

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Письма изъ Бухары.

...Наконецъ-то и мнѣ удалось попасть въ Бухару; желаніе мое исполнилось, остается сдержать обѣщаніе писать вамъ о всемъ, что увижу интереснаго и о чемъ вы не могли прочесть до сихъ поръ въ массѣ всевозможныхъ записокъ о Бухарѣ. Въ короткое время моего пребыванія здѣсь я успѣлъ ознакомиться съ нѣкоторыми интересными особенностями внутренней жизни бухарцевъ.

Судьба на этотъ разъ, мнѣ поблагопріятствовала: я попалъ сюда въ удачное время. Эмиръ, послѣ частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ изъ своей столицы, возвратился наконецъ и поселился въ ней на продолжительное время. Городъ оживился; чаще стали появляться на улицахъ парадные халаты, чаще скачутъ джигиты. Куда и зачѣмъ проскакалъ какойнибудь джигитъ, всегда можно узнать у любого торговца на базарѣ. Проѣзжая мимо, джигитъ всегда успѣетъ сказать встрѣтившемуся пріятелю куда онъ ѣдетъ и что ему поручено. По этому всякая новость скорѣе всего и вѣрнѣе узнается на базарѣ и рѣдко удается скрыть отъ народа какоенибудь дѣйствіе эмира. Въ отсутствіе его—вся эта дѣятельность прекращается.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда начали распространяться слухи о томъ, что эмиръ будетъ чрезвычайно торжественно праздновать саиль, т. е. новый годъ. Три года уже эмиръ не бывалъ въ это время въ Бухарѣ и народъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ праздника. Чтобы было понятно, какое большое значеніе придаетъ этому народъ, нужно сказать, что празднованіе новаго года продолжается не одинъ день, какъ у европейцевъ, а двѣ недѣли, мѣсяць и даже два, что зависитъ отъ воли эмира. Во все это время народу предоставляются его любимыя, а главное—даровыя развлеченія, какъ то: пляски бачей на площадяхъ, фокусники, акробаты, борцы и пр., вечеромъ же—грандіозная иллюминація...сальными свѣчами. Все это устраивается на счетъ эмира.

Мы находились въ Бухарѣ во все время празднованія саиля, а поэтому я могу подробно вамъ рассказать это интересное событіе:

Въ тотъ день, когда было объявлено начало празднованія новаго года, мы получили приглашеніе отъ эмира пріѣхать въ его лѣтнюю резиденцію въ Ширбаданъ, куда онъ переѣхалъ изъ своего городского дворца съ первыми весенними днями. Это было въ концѣ марта. Такъ какъ намъ было объявлено, что эмиръ насъ приглашаетъ не на одинъ день, а на болѣе или менѣе продолжительное время, то намъ пришлось перебираться изъ посольскаго дома со всеми нашими пожитками. Это было не трудно, при помощи той многочисленной прислуги, какая была въ нашемъ распоряженіи. Ширбаданъ находится верстахъ въ трехъ отъ сѣверныхъ воротъ Бухары, а отъ посольскаго дома верстахъ въ пяти.

Мы только что выѣхали за городскія ворота, какъ насъ стали обгонять, идущія на рысяхъ, арбы съ нашими вещами. Одновременно съ арбами проскакала масса джигитовъ, везущихъ въ рукахъ стулья, табуреты и такія вещи, которыя было приказано доставить осторожно; такимъ образомъ не удивительно, что пріѣхавъ въ Ширбаданъ, мы застали уже готовую почти ту-же обстановку, какая была у насъ, въ городѣ. Помѣстили насъ не въ самомъ дворцѣ, а по близости отъ него, въ двухъэтажномъ домѣ, отличающемся отъ окружающихъ построекъ своей алебастровой штукатуркой. Въ нижнемъ этажѣ конечно не было никакихъ отверстій, выходящихъ на улицу, кромѣ воротъ, въ верхнемъ-же на балконъ или террасу выходилъ рядъ двухстворчатыхъ дверей съ небольшими рѣшетчатыми отверстиями надъ ними, замѣняющими окна. Рѣшетки были очень тщательно и красиво отлиты изъ алебастра и заклеены бумагой.

У воротъ занимаемаго нами дома расположился караулъ бухарской пѣхоты, подъ начальствомъ юзь-баши, т. е. сотеннаго или ротнаго командира. Этотъ юзь-баши стоитъ того, чтобы обратить на него вниманіе: красивый отъ природы персъ, онъ много выигрывалъ въ своемъ красномъ бешметѣ съ блестящими эполетами полковника нашего генеральнаго штаба. Не удивляйтесь; всѣ бухарскіе офицеры носятъ русскіе эполеты, но только штабъ-офицерскіе; оберъ-офицерскихъ они не признаютъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я буду подробно говорить о бухарскихъ войскахъ и тогда опишу ихъ обмундированіе; теперь же скажу только, что на другой день тотъ-же юзь-баши сидѣлъ у нашихъ воротъ уже въ эполетахъ полковника 1-го Турк. стрѣлковаго баталіона. Очевидно, вчерашніе эполеты у него считаются самыми нарядными, такъ какъ онъ былъ въ нихъ при нашемъ пріѣздѣ.

Однако, я нѣсколько отвлекся отъ избранной для этого письма темы. Я хотѣлъ рассказать празднованіе саиля; поэтому, для ясности описанія, постараюсь болѣе не отвлекаться.

Такъ какъ эмиръ поселился въ Ширбаданѣ, то и мѣстомъ для народныхъ гуляній были избраны окрестности его. Къ стѣнѣ дворцоваго сада примыкаетъ большая площадь, въ обыкновенное время ничѣмъ не занятая, теперь-же покрытая безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ палатокъ. Въ однѣхъ помѣстились фокусники, въ другихъ торговцы сластями, курительнымъ табакомъ и „насуаемъ“, т. е. табакомъ, который бухарцы кладутъ подъ языкъ. Далѣе виднѣется, высоко надъ землей, натянутый канатъ. Это бухарскій акробатъ будетъ удивлять народъ своимъ искусствомъ.

Къ савлю эмиръ пригласилъ въ Бухару всѣхъ, находившихся въ Туркестанѣ, фокусниковъ —счетомъ четырехъ и платилъ имъ жалованье съ тѣмъ, чтобы они давали представленія народу. Для каждаго фокусника была устроена особая палатка на возвышеніи. Въ часы представленій народъ покрывалъ всю площадь передъ сценой и сидя на корточкахъ, внимательно слѣдилъ за всѣми дѣйствіями россійскихъ маговъ и волшебниковъ. Переводчикъ, который долженъ былъ объяснять, что говоритъ фокусникъ по русски, вмѣсто того самъ сочинялъ разныя небылицы и потѣшалъ народъ неприличными поговорками и остротами надъ фокусникомъ. Вслѣдствіе этого, бухарцы очень охотно присутствовали на всѣхъ представленіяхъ и площадь въ это время была точно усыяна бѣлыми чалмами. Зрители составляли такую силовую массу, что выбраться изъ середины ея не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что если кто нибудь вставалъ, то палка полицейскаго солдата тотчасъ-же опускалась ему на плечи и заставляла садиться, а со стороны публики сыпался цѣлый градъ ругательствъ на голову нарушителя порядка.

Пребываніе наше въ Ширбаданѣ было непріятно въ томъ отношеніи, что мы никогда не имѣли минуты покоя отъ окружающей насъ тамашы; однообразное ностукиваніе въ бубенъ, рѣзкія звуки рожковъ, вскрикиванія пляшущихъ батчей, все это вообще непріятно для слуха; а когда оно продолжается съ утра до ночи и повторяется изо дня въ день, то положительно становится невыносимымъ.

Мы прожили двѣ недѣли въ Ширбаданѣ и каждый день повторялось одно и тоже. Въ 5 часовъ утра насъ будила музыка, проходящаго мимо насъ баталіона, да какая еще музыка! Штукъ двадцать барабановъ, столько-же мѣдныхъ рожковъ и металлическихъ флейточекъ, — вотъ составъ хора. Маршъ играютъ постоянно одинъ и тотъ-же, т. е. повторяютъ безъ конца нѣсколько тактовъ извѣстнаго персидскаго мотива. Подъ эту музыку баталіонъ идетъ въ порядкѣ и въ ногу; если кто изъ солдатъ сбился съ ноги или идетъ не на мѣстѣ то унтеръ-офицеръ, или какъ у нихъ называется дауанидъ, тотчасъ отпускаетъ ему увѣсистый ударъ палкой по спинѣ. Для этой цѣли у каждаго унтеръ-офицера въ рукахъ находится длинная и гибкая палка.

Ежедневно одинъ и тотъ-же баталіонъ отправляется въ такомъ порядкѣ на площадь и разсыпается тамъ въ толпѣ народа. Ружья кладутъ куда попало и всѣ вооружаются палками.

Какъ только гдѣ нибудь безпорядокъ или драка—расправа коротка; отъ палокъ только щепки летятъ и тутъ ужъ достается и правому и виноватому. Палочные удары, впрочемъ, не производятъ большаго впечатлѣнія, если приходятся не по головѣ; ватные халаты дѣлаютъ ихъ мало чувствительными.

Баталіонъ пройдетъ, музыки не слышно, мы стараемся опять заснуть, но не тутъ-то было! Только начнешь дремать—новый шумъ, еще хуже перваго. Это толпа батчей отправляется плясать на площадь; всѣ они орутъ во все горло, бьютъ въ бубны и стучатъ камнями, которые у нихъ служатъ вмѣсто кастанъетъ. И такимъ образомъ проходитъ пять партій батчей, черезъ нѣсколько минутъ одна послѣ другой. Понятно, что послѣ этого нечего и думать заснуть: со всѣхъ сторонъ слышится звукъ бубна и не умолкаетъ до самой ночи. Что насъ раздражало больше всего, такъ это то, что каждая толпа батчей считала своимъ долгомъ остановиться около нашего дома и кричать что-то такое, что должно было изображать хвалебную пѣснь намъ. Хотя мы никогда не показывались на балконѣ, но это повторялось аккуратно каждый разъ, какъ они проходили.

Проснувшись и вставши рано, мы рѣшительно не знали какъ убить время. Пока солнце еще не очень печетъ, можно сидѣть на балконѣ и пить чай. Это занятіе имѣло для меня ту прелесть, что можно было наблюдать вблизи уличную жизнь, а это, увѣряю васъ, интересно.

У воротъ стоитъ часовой и лѣниво поглядываетъ по сторонамъ; остальные солдаты и юзь-баши, въ своихъ знаменитыхъ эпюлетахъ, сидятъ на циновкѣ и пьютъ кокъчай (зеленый чай) съ изюмомъ. По улицѣ, съ двухъ сторонъ застроенной временными лавками, толпа движется непрерывно. И ко-

го тутъ только нѣтъ! Бухарцы въ пестрыхъ халатахъ, киргизы въ бараньихъ шалкахъ, туркмены, цыгане, индѣйцы, евреи. Индѣйцы и евреи рѣзко выдѣляются въ толпѣ, благодаря своему костюму. Тѣ и другіе не имѣютъ права носить ни халатовъ яркихъ цвѣтовъ, ни чалмы, ни пояса. Халатъ долженъ быть темный и недорогой матеріи, на головѣ—довольно высокая черная, коленкоровая шапка, сдѣланная у всѣхъ по одному образцу. Подпоясывать халатъ должны непременно простой веревкой. Это внѣшнее отличіе отъ бухарцевъ и вообще мусульманъ достаточно указываетъ на презрѣніе, какое здѣсь питаютъ къ евреямъ и индѣйцамъ. Ихъ стѣсняють въ чемъ только можно, наиримѣръ, не позволяютъ имъ ѣздить по городу верхомъ ни на лошади, ни на ишакѣ. Ѣздить они могутъ только за городомъ, да и то при встрѣчѣ съ бухарцемъ они должны слѣзть съ лошади, ждать пока тотъ проѣдетъ, и тогда уже ѣхать дальше.

Торговцы сластями и разношники воды спуютъ тамъ и здѣсь въ толпѣ, выкрикивая и восхваляя свой товаръ. Выпить воды со льдомъ можно даромъ: разношники наняты на казенный счетъ и не имѣютъ права требовать платы. Наблюдая подолгу, я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ пьющихъ платили за это чеку или двѣ. Чека—это мелкая мѣдная монета; на теньгу (20 к.) даютъ 60 чекъ и болѣе, смотря по курсу, на наши-же деньги она равняется около $\frac{1}{3}$ копѣйки. Паточные леденцы, разносимые на большихъ мѣдныхъ подносахъ, продаются по чекѣ за штуку и распродаютъ довольно быстро, такъ какъ бухарцы очень любятъ все сладкое.

Пока мы сидимъ на балконѣ, къ намъ подходитъ цѣлая масса нищихъ, калѣкъ, страдающихъ монаховъ. Между калѣками сплошь и рядомъ являются фальшивые; такъ къ намъ подошелъ однажды старикъ со свернутою на сторону нижней челюстью; лицо у него было страшно искажено, ротъ раскрытъ и онъ не могъ говорить, а только мычалъ. Мы поспѣшили бросить ему мелочи, чтобы онъ только ушелъ, и что-же? Съ полученіемъ денегъ лицо у него приняло самый правильный видъ; онъ сталъ быстро говорить что-то окружающимъ и смѣшилъ ихъ очевидно на нашъ счетъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что нашъ караульный офицеръ наградила его нѣсколькими ударами палки и приказалъ прогнать подальше. Послѣ этого случая мы стали осторожнѣе и рѣже стали давать милостыню. Страствующие, юродствующие монахи представляютъ совершенно своеобразное явленіе: ходятъ они толпою, человекъ отъ 10—20, одѣты въ перстрыя лохмотья и высокія остроконечныя шапки; у пояса тыква съ водою, въ одной рукѣ длинный посохъ, а въ другой—короткая палка съ желѣзною цѣпью. Распѣвая молитвы, они звѣняютъ цѣпями и выпрашиваютъ такимъ образомъ подаеніе. Гдѣ они остановятся—собирается толпа. Распѣвая молитвы, монахи очень ловко таскаютъ леденцы съ подноса зазѣвавшася торговца, который не смѣетъ протестовать, а только отходить подальше. Мы были свидѣтелями даже такой сцены: монахъ, будто печально, толкнулъ подносъ, на которомъ были леденцы и вырученные уже деньги; пока все это подбирали, чеки попали въ карманы монаховъ и только часть леденцовъ—опять на подносъ. На плачь мальчика-разношника никто не обратилъ вниманія и монахи спокойно удалились, громко восхваляя Аллаха.

Но вотъ, съ минарета раздается заунывный голосъ муллы, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ. Это полуденный намазъ, нишинъ. Народъ валитъ съ площади и направляется въ мечеть; бубны по немногу смолкаютъ и наступаетъ относительная тишина. Изъ дворца показывается шествіе: эмиръ ѣдетъ въ мечеть на молитву. Впереди кортежа чиновники раздвигаютъ толпу, образуются двѣ живыя стѣны вдоль улицы и эмиръ, въ скромномъ, темномъ халатѣ, но въ шитой золотомъ чалмѣ и на великолѣпной лошади, медленно ѣдетъ, поминутно поглаживая бороду обѣими руками, въ отвѣтъ на привѣтствія своего народа. Поводья у лошади висятъ свободно; эмиръ ею не управляетъ и горе-же тому, кто подводилъ ему эту лошадь, если она заартачится или начнетъ горячиться... Не сносить ему головы. Намъ рассказывали, что былъ уже не одинъ случай, что эмиръ приказывалъ зарѣзать конюховъ, халившихъ за его лошадью, если она шла неспокойно.

Въ противоположность скромному костюму эмира, свита его блещетъ шитыми золотомъ халатами, кашемировыми поясами и богатой сбруей.

Молитва продолжается недолго; шествіе эмира возвращается тѣмъ-же порядкомъ во дворецъ, а народъ—къ прерванному удовольствіемъ.

Послѣ нишина, у эмира назначенъ пріемъ бековъ. Подарки ихъ эмиру доставлены уже заранѣе и отъ количества и качества ихъ зависитъ болѣе или менѣе милостивый пріемъ. По окончаніи аудіенціи, беки, въ свою очередь, получаютъ подарки отъ эмира и счастливые и радостные возвраща-

ются въ другихъ уже, только что пожалованныхъ халатахъ.

Всѣ ѣдущіе во дворець и обратно проѣзжаютъ мимо насъ и намъ хорошо видно все, что дѣлается.

Такия наблюденія очень интересны и въ нихъ проходилъ у насъ день. Подъ вечеръ, въ сопровожденіи чиновниковъ, мы отправились на улицу и площадь смотрѣть, что тамъ дѣлается. Улица около дворца вся застроена лавками, но тутъ не торгуютъ: это выставка разныхъ рѣдкостей, принадлежащихъ эмиру. Одна лавка вся заставлена зеркалами всевозможныхъ величинъ, въ другой—развѣшены роскошныя попоны и ковры. Здѣсь красуются часы со сложнымъ механизмомъ, приводящимъ въ движеніе птицъ и животныхъ, далѣе выставлены музыкальныя ящики, канделябры, часы и проч.

На крышѣ одной лавки поставлена палатка, въ которой показываютъ волшебный фонарь. Здѣсь народъ толпится всего больше. Налюбовавшись этими диковинками, мы идемъ на площадь. Зрѣлище представляется грандіозное: вся площадь блещетъ десятками тысячъ фонарей. Для этой иллюминаціи устроены высокія деревянныя рѣшетки, на которыхъ развѣшаны фонари, гдѣ гирляндами, а гдѣ и сплошными рядами, такъ что получается большой огненный щитъ. Крыши сакель, палатки—все увѣшано фонарями. Близъ дворца освѣщеніе особенно роскошно: фонари всевозможныхъ формъ и величинъ красиво развѣшаны и освѣщаютъ каждый уголокъ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на площади танцуютъ батчи; грязные, въ ободранныхъ халатахъ—они производятъ отвратительное впечатлѣніе. Когда вся толпа, подъ звуки бубна и трубъ, начинаетъ кружиться и бить въ ладоши, можно подумать, что присутствуешь на какой нибудь адской пляскѣ. Впечатлѣнію этому не мало способствуетъ неровное, мерцающее освѣщеніе свѣтильниками съ кунжутнымъ масломъ.

Кромѣ пляски батчей, вечеромъ нѣтъ никакихъ представленій. Насъ нѣсколько разъ приглашали днемъ въ особо поставленныя для насъ палатки, откуда мы могли видѣть все, что дѣлается на площади. Бухарскій канатный плясунъ очень ловко продѣлывалъ разныя штуки и дурачилъ народъ, который вѣрить, будто искусство это дано свыше и если, стоя на канатѣ, онъ помолится за кого нибудь, то Аллахъ непременно исполнитъ все, о чемъ его просятъ. Видѣли мы также борцовъ; способъ борьбы очень оригиналенъ: борющіеся берутъ другъ друга одной рукой за воротъ халата, долго тянутся на одномъ мѣстѣ и уллучивъ минуту, стараются повалить другъ друга; самая суть борьбы состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно сильнѣе бросить противника на землю и если тотъ не отпуститъ руки, то и бока ему помять. Иные входятъ при этомъ въ такой азартъ, что ихъ разнимаютъ полицейскіе и дуютъ при этомъ палками.

Вообще, палки здѣсь въ большомъ ходу и наказаніе палками практикуется очень часто. Смотря по винѣ, палокъ даютъ отъ 75 до 300. При производствѣ слѣдствія, если виновный не сознается, ему даютъ 75 палокъ въ спину, затѣмъ, если онъ еще не сознался, столько-же ударовъ въ одинъ бокъ, потомъ въ другой и наконецъ бьютъ по животу. Послѣдніе удары конечно наносятся уже безжизненному тѣлу, ибо никто подобной пытки не выноситъ.

Во время саиля эмиръ осыпаетъ милостями своихъ подданныхъ, раздаетъ имъ чины, халаты, деньги. При насъ, въ одинъ день онъ произвелъ 60 человекъ въ чинъ карауль-беги, надѣлъ на нихъ по халату, даль чалму, мѣшечекъ съ деньгами и грамоту на чинъ. Эту грамоту каждый, получившій ее, долженъ носить на чалмѣ въ теченіи трехъ сутокъ. Видъ такихъ счастливцевъ, съ развѣвающимися бумагами на головѣ—довольно комиченъ, но зато они становятся героями на три дня: всякій, кто съ ними встрѣчается, поздравляетъ ихъ съ милостью эмира; обида, нанесенная имъ, считается обидою эмиру и поэтому всѣ должны отнестись къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ.

Въ нѣсколько дней мы успѣли ознакомиться со всѣми бухарскими развлеченіями и намъ уже стало надоѣдать путешествіе на площадь, когда однажды, вечеромъ намъ предложили посмотрѣть съ балкона шествіе маскарабазовъ или по нашему—шотовъ. Мы никакъ не ожидали увидѣть что либо подобное въ Бухарѣ. Представьте себѣ цѣлое карнавальное шествіе. Издали видна въ толпѣ только лента фонарей и факеловъ, извивающаяся вдоль улицы и темныя силуэты чего-то необычайнаго и уродливаго. Но вотъ изъ мрака понемногу выступаетъ красивая лодка съ балдахиномъ, вся обтянутая кумачемъ и увѣшанная фонариками съ зеркальными рефлекторами. Въ лодкѣ какъ будто сидитъ батча, но на самомъ дѣлѣ она придѣлана у нею у пояса и онъ ее носитъ. Такихъ лодокъ явилось четыре и они стали продѣлывать передъ нами какой-то танецъ, состоящій въ медленномъ прохожденіи другъ мимо друга и частомъ, быстромъ вращеніи на одномъ мѣстѣ. Пока происходилъ танецъ

лодокъ, стали приближаться: слонъ, гигантская фантастическая рыба, великаны сажени по три ростомъ, съ головами изъ папье-маше, масса маскированныхъ и просто вымазанныхъ сажею людей.

Все это кричитъ, свиститъ, воетъ, бубны гудятъ, флейты пищатъ и происходитъ адскій шумъ. Продолжая кричать и кружиться, всѣ отходятъ въ сторону и даютъ мѣсто другимъ. Появляются двѣ громадныя змѣи, сдѣланныя изъ кисеи, натянутой на проволочныя кольца; въ каждомъ кольцѣ—свѣча, такъ что змѣя освѣщена, какъ фонарь; отъ каждаго кольца идетъ палка, которую несетъ солдатъ. Змѣи какъ-бы плаваютъ въ воздухѣ и эффектъ производятъ очень хорошій... Все шествіе замыкается кавалькадой деревянныхъ лошадокъ, придѣланныхъ къ поясамъ шутовъ. У всадника въ рукахъ пика и за спиною щитъ. Такое ношеніе щита очень умно придумано, потому что предохраняетъ отъ ударовъ, которые сыпятся здѣсь со всѣхъ сторонъ. Пока шло это бѣснованіе, мы послали намѣнять денегъ и стали ихъ бросать въ толпу. Трудно описать что тутъ произошло. Лодки, великаны все смѣшалось въ одну кучу. Въ подбораніи денегъ приняли участіе не только ряженые, но и посторонняя публика, и нашъ карауль. Успокоились только тогда, когда ни одной монеты не осталось на землѣ, а продолжавшихъ драку быстро розняли обычнымъ порядкомъ.

По сигналу предводителя этой процессіи, толстѣйшаго чиновника, на долю котораго въ общей суматохѣ также попало не мало пиньковъ и ударовъ, все смолкло; онъ поднялъ руки, взялся за бороду и произнесъ рѣчь, въ которой восхвалялъ могущественнаго эмира, доставляющаго такое блестящее удовольствіе народу.

Что-же вамъ сказать еще? Въ такихъ развлеченіяхъ проходили дни за днями, мало отличаясь другъ отъ друга и намъ это все скоро прискучило.

Теперь вы имѣете понятіе, какимъ образомъ празднуется новый годъ въ Бухарѣ и какъ могущественный эмиръ благодѣтельствуетъ свой народъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я расскажу вамъ кое что о бухарскихъ войскахъ, съ которыми мы имѣли близкія сношенія.

Письма изъ Бухары.

Письмо 2-е. (*)

Вы спрашивали у меня подробности нашего пребыванія здѣсь; по что-же сказать вамъ новаго? Жизнь наша ничѣмъ не отличалась отъ жизни цѣлой массы русскихъ посольствъ, посылаемыхъ въ Бухару. Различіе состояло только въ томъ, что мы занимались обученіемъ бухарскихъ солдатъ, для чего собственно и были присланы сюда. Вамъ уже извѣстно, что я былъ командированъ, по распоряженію М. Г. Черняева, въ числѣ пяти инструкторовъ, присланныхъ эмиру бухарскому для обученія его войскъ обращенію съ скорострѣльнымъ оружіемъ.

Причина, вызвавшая посылку русской военной миссіи, была та, что во время пребыванія бухарскаго наслѣднаго принца въ Петербургѣ, Государь Императоръ изволилъ обѣщать прислать эмиру скорострѣльныя винтовки системы Бердана, которыми вооружены русскія войска. Обѣщаніе это было исполнено и незадолго до нашего пріѣзда въ Бухару прибылъ транспортъ: 1000 винтовокъ и 100.000 патроновъ.

Для того, чтобы бухарцы могли воспользоваться этимъ подаркомъ, необходимо было выучить ихъ обращаться съ новымъ оружіемъ; иначе оно потеряло-бы всякую цѣну и хорошее ружье въ неумѣльныхъ рукахъ

(*) См. Турк. Вѣдом. № 19.

было бы также безвредно, какъ палка въ рукахъ ребенка. Намъ прислали и мы готовы были ревностно приняться за дѣло.

Казалось-бы, эмиру оставалось только радоваться такому благополучію, воспользоваться нашимъ пребываніемъ и извлечь изъ него возможно большую пользу. Но не тутъ-то было! Намъ дѣлали всевозможныя препятствія и проволочки, такъ что когда наконецъ присланы были люди для обученія, то это было сдѣлано точно личное намъ одолженіе.

Причину этого, по истинѣ, курьезнаго факта, намъ такъ и не удалось узнать. Впрочемъ начальнику нашей миссіи, очень тайно сообщалъ инакъ (одинъ изъ важныхъ бухарскихъ сановниковъ), что эмиръ опасается, какъ-бы не возмутился народъ, узнавъ, что невѣрные будутъ обучать войска правовѣрнаго народа бухарскаго. Проволочки объясняли необходимостью уговорить муллъ и все духовенство внушить народу ту пользу, которую принесетъ наше обученіе. Это-ли было причиною, или нѣтъ — сказать трудно; но фактъ тотъ, что мы пріѣхали въ Бухару 16-го февраля и только 20-го марта намъ прислали 20 человекъ для обученія. Согласитесь, что это нѣсколько странно: пять русскихъ офицеровъ будутъ обучать 20 человекъ бухарскихъ солдатъ!

Пріѣхавъ въ Бухару, мы застали уже тамъ наше посольство, съ полковникомъ Б. во главѣ, который въ тотъ-же день навѣстилъ насъ и очень любезно пригласилъ на блины, такъ какъ дѣло было на масленицѣ. Это былъ пріятный сюрпризъ, тѣмъ болѣе пріятный, что мы больше недѣли прожили на одномъ пловѣ и лепешкахъ и никакъ не ожидали что будемъ ѣсть русскіе блины въ столицѣ Бухарскаго ханства. Но бухарцы и тутъ вздумали дѣлать намъ препятствія, прося насъ не ѣхать на приглашеніе, такъ какъ, будто-бы, по шаріату, до представленія эмиру, нельзя выѣзжать куда-бы то ни было. Однако совѣта этого мы не приняли во вниманіе и все таки на другой день поѣхали, сказавъ, что по русскому шаріату иначе нельзя. Бухарскій шаріатъ, требованій котораго какъ говорится, не разберетъ и самъ кварталный, дѣлалъ намъ много затрудненій. Ссылка на его требованія, конечно, очень удобна для бухарцевъ, оправдывая сплошь и рядомъ бессмысленныя притязанія; но для русскихъ—это камень преткновенія во всѣхъ отношеніяхъ. Хорошо еще, что полковникъ Б., бывавшій уже не одинъ разъ въ Бухарѣ, далъ намъ нѣкоторыя указанія относительно сношеній съ бухарцами, т. е. объяснилъ, что нужно исполнять изъ ихъ требованій и на что не слѣдуетъ обращать серьезнаго вниманія. Я говорю: далъ указанія намъ, подразумѣвая свое позднѣйшее путешествіе по Бухарѣ, такъ какъ, въ описываемый мною періодъ, никакими указаніями, кромѣ распоряженій начальника миссіи, мы руководствоваться не могли. Бухарцы увѣряли, напр., что нельзя выѣзжать изъ дому безъ особаго разрѣшенія эмира, а чтобы получить это разрѣшеніе, требовалось два три дня. Если-бы и впоследствии мы руководствовались такими требованіями, то я, конечно, не могъ-бы узнать ничего подобнаго тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мнѣ удалось собрать, благодаря наблюденію уличной и базарной жизни, столь дѣятельной во всѣхъ восточныхъ городахъ, и съ которой нельзя познакомиться, сидя въ четырехъ стѣнахъ. Самые достовѣрные источники всевозможныхъ политическихъ и общественныхъ новостей—базарные слухи. Причина этаго явленія весьма легко объясняется. Большинство служащихъ чиновниковъ и офицеровъ имѣютъ лавки на базарѣ и занимаются торговыми оборотами, что нисколько не мѣшаетъ имъ исполнять свои служебныя обязанности. Да чѣмъ имъ и заниматься, кромѣ торговли? Специальныхъ занятій никакихъ нѣтъ, кромѣ личныхъ порученій эмира; учрежденій, палатъ и управленій тоже никакихъ не имѣется, а канцелярія за всякимъ, даже незначительнымъ чиновникомъ, бѣгаетъ по пятамъ, въ лицѣ мирза-баши, т. е. писаря или секретаря. Грамотность вовсе не составляетъ необходимости для того, чтобы быть хорошимъ слугою эмиру; да и за чѣмъ самому писать, когда стоитъ только приказать и мирза напишетъ все, что нужно!

Собственно говоря, никому изъ служащихъ и не нужно дѣлать распоряженій, хотя-бы онъ находилъ ихъ полезными и даже необходимыми; инициатива всякаго, даже самаго пустяшнаго распоряженія, исходитъ, или должна по крайней мѣрѣ исходить, отъ эмира. Если кому изъ его приближенныхъ и придетъ хорошая и полезная мысль, то онъ долженъ сообщить ее эмиру такимъ образомъ, чтобы послѣдній былъ убѣжденъ, что это собственная его мысль, только высказанная устами его подданнаго. Попробуй ктонибудь неосторожно подать совѣтъ! При самомъ благопріятномъ исходѣ онъ лишится милостей эмира, а то и собственной головы.

Милость или немилость со стороны эмира ничѣмъ не обуславливается: законовъ никакихъ нѣтъ, кромѣ его личной воли; по этому попасть изъ простыхъ джигитовъ въ

первые министры такъ-же легко, какъ послѣднему лишиться головы за неосторожно сказанное слово. Въ доказательство приведу нѣсколько интересныхъ примѣровъ. Человѣкъ, поставившій бухарскія войска на ту степень военнаго образованія, какую мы застали, былъ простой бѣглый русскій казакъ. Онъ принялъ мусульманство, былъ пожалованъ въ званіе топчи-бачи, т. е. сдѣланъ начальникомъ артиллеріи и главнокомандующимъ войсками, но провинившись въ чемъ-то, былъ зарѣзанъ, а имущество его конфисковано. Какъ видите, все это дѣлается весьма просто. Другой примѣръ я видѣлъ въ лицѣ юзъ-баши, приходившаго къ намъ на ученія. Мы спросили его однажды: давно-ли онъ командуеетъ ротой и долго-ли служить въ военной службѣ? Оказывается, что онъ прямо попалъ въ ротные командиры въ награду за усердную службу при эмирѣ; а служба его состояла въ томъ, что онъ три года подавалъ эмиру умываться. Это фактъ.

И такъ, для того, чтобы быть хорошимъ военно-служащимъ, вовсе не нужно никакого образованія, ни общаго, ни спеціальнаго.

Чему учатся солдаты у своихъ офицеровъ — вы увидите дальше; теперь-же, для того, чтобы вы могли составить себѣ нѣкоторое понятіе, съ кѣмъ намъ предстояло имѣть дѣло, опишу вамъ бухарскаго солдата на часахъ. Представьте себѣ довольно нескладную фигуру въ красномъ бешметѣ, широчайшихъ шароварахъ изъ желтой кожи, вышитыхъ шелками и въ малиновой бархатной шапкѣ, отороченной куньимъ мѣхомъ. Форма довольно красивая; но зато... нужно было сдѣлать большое усиліе, чтобы не разсмѣяться: часовой стоитъ, широко разставивъ ноги; въ лѣвой рукѣ держитъ ружье, какъ у насъ его держатъ на караулъ; правой рукой дѣлаетъ подъ козырекъ; голова низко опущена и онъ только изрѣдко и робко вскидываетъ глазами. Вотъ, кого намъ приходилось учить, или вѣрнѣе сказать переучивать.

Видя, что мы еще не скоро дождемся занятій и соскучившись полнымъ бездѣйствіемъ, мы стали придумывать себѣ развлеченія, въ числѣ которыхъ было одно весьма полезное и любопытное, а именно: присутствіе на ученіѣ бухарскихъ войскъ. Добиться этого было очень трудно, но наконецъ эмиръ далъ разрѣшеніе и въ назначенный день мы, въ сопровожденіи обычной свиты и своего конвоя, отправились за городъ, гдѣ на большой площади уже ожидали насъ войска. Было всего четыре баталіона, которыми командовалъ самъ Алимاداتъ - парманачи. Когда мы пріѣхали, баталіоны были построены въ четырехъ-взводныхъ колоннахъ. Взяли на-караулъ и опустили значки. Нашъ начальникъ поѣхалъ вдоль фронта и вздумалъ, должно быть по-привычкѣ, поздороваться. Отвѣта, конечно, никакого не послѣдовало и когда переводчикъ объяснилъ Алимاداتу, что съ его войсками здороваются, то онъ, очевидно, смѣшался и сталъ дѣлать знаки солдатамъ, приговаривая: „аманъ, аманъ“. Отъ этого произошло еще большее смущеніе, охватившее уже всѣхъ. Офицеры и унтеръ-офицеры стали отвѣшивать поклонны, а видя это и нѣкоторые солдаты, держа одной рукой винтовку, другой хватались за животъ, дѣлая „кулдукъ“. Можете себѣ представить, какая получилась красивая картина и безъ того страннаго для нашихъ глазъ фронта! Солдаты стояли въ такой-же позѣ, какъ описанный уже мною часовой, съ тою только разницею, что ружья держали обѣими руками и только, отвѣшивая кулдукъ, освобождали одну руку. Офицеры, стоя въ строю, въ одной рукѣ держали опущенную саблю, а другую, съ широко растопыренными пальцами, держали у шапки. Изъ этого описанія, при нѣкоторой доль воображенія, вы можете себѣ составить понятіе о общемъ видѣ представившейся намъ картины.

Раньше описанія хода ученія, скажу нѣсколько словъ объ обмундированіи войскъ. Офицеры носятъ бешметы всевозможныхъ цвѣтовъ; обшитые серебрянымъ или золотымъ галуномъ. Происходить это отъ того, что бешметы жалуются эмиромъ при производствѣ, и какой кому достанется, такой тотъ и носитъ. Шаровары у всѣхъ желтые, расшитые шелкомъ, и отороченные внизу мѣхомъ. Въ шапкахъ тоже нѣтъ однообразія: у однихъ онѣ мѣховыя, съ небольшимъ цвѣтнымъ доньшкомъ, у другихъ — бархатныя, различныхъ цвѣтовъ, отороченныя узкой полосой мѣха. Зато у всѣхъ офицеровъ обязательно есть русскіе штабъ-офицерскіе эполеты. И какихъ тутъ только нѣтъ! И докторскіе, и стрѣлковыя, и генеральнаго штаба, и артиллерійскіе — однимъ словомъ, всѣхъ родовъ оружія. Русскіе эполеты составляютъ предметъ торговли на базарѣ; торгующіе ими купцы скупаютъ ихъ въ Самаркандѣ и Ташкентѣ, и получаютъ большіе барыши. Оберъ-офицерскіе эполеты я видѣлъ только у одного капельмейстера, управлявшаго хоромъ бухарской музыки.

Однообразіе въ формѣ у солдатъ замѣчается только въ цвѣтѣ бешметовъ и шароваръ; первые — красные, вторые — желтые;

шапки различны, но въ одной и той-же ротѣ всѣ одинаковы. На ученьѣ бешметы были запущены въ шаровары, а послѣднія—въ сапоги. Пояса у всѣхъ кожаные съ нѣсколькими карманчиками для пуль и пистоновъ. Съ лѣвой стороны привѣшены небольшіе ножи, обычная принадлежность, не служащіе, впрочемъ, какъ оружіе. Бешметы украшены массой карманчиковъ, пуговицъ и галуновъ. Въмѣсто погонъ нѣкоторые солдаты нашиваютъ себѣ полицейскіе жгуты или старыя солдатскіе погоны, съ буквами и номерами. Очевидно, у нихъ считается особеннымъ шикомъ имѣть большое количество пуговицъ; у нѣкоторыхъ онѣ нашиты въ четыре ряда на груди и пуговицами-же украшенъ поясъ и сумочки. Пуговицы по преимуществу мѣдныя и между ними есть русскія, но преобладаютъ съ англійскими и французскими надписями и гербами.

Унтеръ-офицеры отличаются отъ рядовыхъ своими бѣлыми, коленкоровыми бешметами и не имѣютъ ружей, а одѣвъ палки.

Вооруженіе самое разнообразное: есть наши старыя, тяжелыя, курковыя ружья, и охотничьи винтовки тульскаго издѣлія со всевозможными клеймами. Штыки на нѣкоторыхъ ружьяхъ самодѣльные, очень тонкіе и плохо придѣланные къ стволу.

Окончивъ объѣздъ, мы остановились на правомъ флангѣ у приготовленныхъ для насъ палатокъ, гдѣ, по обыкновенію, поставленъ былъ достарханъ и насъ стали угощать кокъчаемъ. Но намъ было не до чая: очень ужъ интересно было посмотрѣть, какія эволюціи будетъ производить это интересное войнство, а потому мы поторопились покончить со своими чашками и начальникъ миссіи предложилъ Алиматату начать ученье.

Пѣшкомъ, въ сопровожденіи горниста, парманачи вышелъ на средину площади и опираясь на длинную палку, началъ ученье, т. е. сказалъ нѣсколько словъ горнисту. Оказалось, что онъ никогда не командуетъ, а всѣ построенія дѣлаются по сигналамъ. Раздался дребезжащій звукъ рожка. Пронесся гулъ отъ многократно повторенной команды, и баталіоны стали дѣлать какое-то построеніе, продолжавшееся минутъ десять. Когда все успокоилось, баталіоны оказались построенными другъ за другомъ во взводную колонну. Снова раздался сигналъ и одновременно съ нимъ музыка грянула маршъ. Въ порядкѣ, другъ за другомъ, зашагали взводы, очень тихимъ шагомъ. Ружья держали они на караулъ и почти на вытянутыхъ рукахъ. Положеніе не очень удобное для маршировки. Пока проходили войска мимо насъ, я успѣлъ замѣтить, что въ каждомъ баталіонѣ пять ротъ, а въ каждомъ взводѣ по 16 рядовъ, что кромѣ унтеръ-офицеровъ составляло болѣе 600 человекъ въ баталіонѣ. Передъ каждой ротой шелъ ротный командиръ. Во всѣхъ первыхъ ротахъ были бѣлые значки, въ остальныхъ—разныхъ цвѣтовъ. Отдѣльныхъ баталіонныхъ командировъ нѣтъ, а командиръ 1-ой роты вмѣстѣ съ тѣмъ и старшій въ баталіонѣ офицеръ. Ученья всегда производятся нѣсколькимъ баталіонамъ сразу—отдѣльно роты и баталіоны не учатся.

Вся площадь въ окрестности имѣла версты двѣ и пока войска обошли ее такимъ тихимъ шагомъ, прошло не мало времени. Мы думали, что этимъ ограничится маршировка, но намъ еще показали, какъ ходятъ баталіоны колоннами, съ ружьями вольно. Опять обошли всю площадь и стали строиться на ея серединѣ. Строились, перестраивались, сигналы слѣдовали за сигналами, а конца этому все не предвидѣлось. Очевидно сигналы не были поняты; тогда Алимататъ послалъ нѣсколькихъ полицейскихъ, бывшихъ при немъ, которые и передали на словахъ, чего онъ желаетъ. Теперь всѣ роты построились другъ за другомъ развернутымъ фронтомъ и въ одну ширенгу, на шагъ разстоянія одинъ человекъ отъ другаго. Это приготовлялись къ атакѣ. Сигналъ поданъ, роты двинулись.

Первая рота, дойдя до извѣстнаго мѣста, приостановилась, дала залпъ и повернувъ кругомъ, прошла между рядами сзади идущихъ ротъ, а зайдя за послѣднюю, опять повернула кругомъ. Во время этой прогулки предполагается, что солдаты заряжаютъ ружья за первой ротой; продѣлала тоже самое вторая, потомъ третья рота и такъ всѣ. Такая прогулка взадъ да впередъ можетъ продолжаться до безконечности, но парманачи подалъ сигналъ и движеніе прекратилось. Тутъ онъ намъ объяснилъ, что это атака *обыкновенная*, а теперь будетъ уже *рѣшительная*. Опять сигналъ и опять пошли роты, но только первая рота, давъ залпъ, не ушла назадъ, а присѣла на томъ-же мѣстѣ, для заряженія ружей; вторая, пройдя чрезъ ея ряды, также дала залпъ и сѣла впереди ея, и т. д. Такимъ образомъ роты все ближе и ближе подходятъ къ противнику, а не стрѣляютъ съ одного и того-же мѣста. Стрѣльба при насъ производилась только примѣрно и, какъ оказалось впоследствии, бухарскія войска никогда не занимаются стрѣльбой въ мирное время.

Показавъ атаку, Алимататъ кажется хотѣлъ этимъ закончить ученье, но нашъ на-

чальникъ попросилъ его показать, какъ встрѣчаетъ пѣхота атаку кавалеріи. Тотчасъ раздался сигналъ, и войска перестроились во взводныя колонны. Опять забѣгали полицейскіе и по сигналу взводы построились кучками и стали во всѣ стороны отбивать воображаемаго противника. По новому сигналу, тоже продѣлали полуроты и потомъ цѣлыя роты. Въ послѣднемъ случаѣ первая шеренга садилась и сначала происходила двухъ-ярусная стрѣльба, а потомъ отбиваніе штыками. Этимъ закончилось ученіе и намъ оставалось только выразить свое удовольствіе по поводу всего видѣннаго. Въ отвѣтъ на расточаемыя ему нашимъ начальникомъ похвалы, Алимاداتъ очень скромно заявилъ, что самъ сознаетъ несовершенство такого обученія, но надѣется, что когда мы примемся за дѣло, то бухарскія войска выучатся всему, что знаютъ русскіе.

Только что видѣнныя нами войска составляютъ постоянный конвой эмира; когда онъ уѣзжаетъ въ Карши или другое бекство, то и эти четыре баталіона отправляются съ нимъ, но уже преобразуются частію въ кавалерію. Постоянной кавалеріи нѣтъ и ученій конныхъ никогда не бываетъ. Понадобится кавалерія—беки обязаны доставить лошадей, а объ обученіи нечего заботиться: каждый солдатъ природный кавалеристъ.

Въ числѣ конвоя эмира самый надежный народъ—персіяне. Они всѣ куплены и содержатся на счетъ эмира, т. е. получаютъ отъ него полное довольствіе натурою, кромѣ жалованья. Первоначально ихъ было 1000 человекъ, но теперь осталось всего до 300 и новыхъ эмиръ уже не можетъ купить, вслѣдствіе условія съ Россіей, потребовавшей прекращенія торговли рабами.

Наемные солдаты получаютъ слѣдующее содержаніе: рядовые получаютъ всѣ одинаково—по 20 тенегъ въ мѣсяцъ, т. е. около 5 рублей. На эти деньги они должны продовольствоваться сами. Унтеръ-офицеры, кромѣ 20 тенегъ, получаютъ еще, смотря по своему званію, даушиды, по 50 тенегъ два раза въ годъ и джюрагасы, по 90 тенегъ два раза въ годъ. Затѣмъ вещевое довольствіе для всѣхъ одинаково. Ежегодно каждый получаетъ: бешметъ, халатъ, 10 тенегъ на чамбары и 10 тенегъ на чалму. Шапки перемѣняются по мѣрѣ надобности. Сапоги должны заводить на свой счетъ. Въ каждой ротѣ имѣется мирза-баши или писарь, который, кромѣ общаго довольствія, получаетъ еще по 130 тенегъ два раза въ годъ.

Офицеры жалованья не получаютъ, а имъ отводятся участки земли въ городѣ или за городомъ, доходами съ которыхъ они и пользуются. Размѣръ участка зависитъ отъ степени его доходности. Такое содержаніе, въ переводѣ на деньги, равняется отъ 1000 до 2000 рублей въ годъ. Нашъ юзь-баши получалъ напримѣръ дохода со своего участка 6000 тенегъ, т. е. приблизительно 1500 рублей, доведя свой доходъ до этой суммы благодаря своимъ хозяйственнымъ способностямъ: онъ устроилъ хлопковую плантацію.

Всѣ солдаты живутъ на частныхъ квартирахъ, кромѣ такихъ байгушей (*), которые не имѣютъ собственной квартиры; эти живутъ въ особомъ лагерѣ, въ юртахъ.

Обязанности солдата заключаются въ хожденіи на ученіе, которое продолжается часа два или три. Въ остальное время онъ свободенъ и можетъ заниматься чѣмъ ему угодно; потому большинство изъ нихъ торгуетъ, занимается мастерствомъ или нанимается на работы.

Меня не мало удивляло, что въ городѣ я никогда не видѣлъ ни одного солдата, за исключеніемъ часовыхъ; а объяснилось это очень просто. Солдатъ-то много, но они, кромѣ учений, никогда не носятъ своей формы и считаютъ это даже позорнымъ. Я случайно вышелъ за ворота, послѣ того какъ ушли учившіеся у насъ солдаты и увидѣлъ, что они всѣ тутъ-же, за воротами, переодѣваются въ халаты и вмѣсто шапки надѣваютъ чалму. Къ намъ на ученіе, они приходили въ полномъ порядкѣ и безъ ружей, такъ какъ у насъ стояли ихъ новыя ружья; но когда они отправляются на ученіе къ своимъ офицерамъ, то это любопытная картина: почти никто изъ нихъ не идетъ пѣшкомъ, а всѣ пріѣзжаютъ на ишакахъ, причемъ ружье везутъ поперегъ сѣдла, а штыкъ употребляютъ вмѣсто нагайки. У кого нѣтъ своего ишака, тотъ ѣдетъ на ишакѣ-извозчикѣ.

Такіе извозчики стоятъ цѣлыми массами на особыхъ биржахъ, преимущественно близъ базаровъ. Пробѣжать изъ одного конца города въ другой стоитъ 2, 3 и самое большое 5 чевъ, что составляетъ около 2 копѣекъ. Благодаря такой цѣнѣ, не мудрено, что солдаты имѣютъ возможность ѣздить на ученія, а не ходить пѣшкомъ. Жаль смотрѣть только на бѣдныхъ хозяевъ этихъ ишаковъ; это по большей части, мальчики лѣтъ отъ 10 до 14; отдавъ въ наймы своего ишака, онъ бѣжитъ потомъ слѣдомъ за сѣдокомъ а пробѣжать ему иногда приходится нѣскольکو верстъ.

По близости отъ мѣста ученія всегда стоитъ цѣлое стадо ишаковъ и стоитъ одному

(*) Байгушь—бѣднякъ.

УГІІ 28-го МАЯ 1885 г.

закричать, какъ всѣ остальные начинаютъ орать во всю свою ослиную глотку. Отъ такого концерта можно просто съ ума сойти, а намъ частенько приходилось его слышать, такъ какъ недалеко отъ посольскаго дома находилась ишачья биржа.

Л. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Письма изъ Бухары.

(Окончаніе (*).

Вскорѣ послѣ этаго смотра, давшего намъ возможность ознакомиться нѣсколько со своими будущими учениками, намъ прислали, какъ я уже говорилъ, 20 человекъ отборныхъ солдатъ — персіанъ. Народъ все крупный и красивый; такимъ людямъ могъ-бы позавидовать любой изъ нашихъ гвардейскихъ полковъ. Для того, чтобы ободрить и приручить къ себѣ этихъ, какъ мы полагали, дикарей, ихъ предварительно угостили чаемъ и лепешками, а затѣмъ уже приступили къ началу обученія.

Начали мы свои занятія съ того, что показали новую для нихъ винтовку и сказали названія главныхъ частей ея съ объясненіемъ ихъ назначенія. Бухарцы очень охотно заучивали русскія названія и впоследствии, когда они уже могли перечислить части винтовки въ томъ порядкѣ, какъ ихъ учили, мы стали спрашивать ихъ въ разбивку. Но тутъ не обошлось безъ курьеза. Ихъ учили такъ: первый—стволь, второй—коробка, третій—затворъ и т. д.; когда-же спросили, указавъ на затворъ, какъ это называется, то получили отвѣтъ: „третій затворъ“. Оказалось, что наши переводчики не объяснили имъ, что значитъ слово „третій“ и что „затворъ“ есть полное названіе предмета. Долго потомъ мы не могли ихъ отъучить отъ такихъ названій.

По разнымъ причинамъ, мы больше занимались выправкой, ружейными приѣмами и маршировкой, не касаясь сути дѣла. Къ концу нашего пребыванія въ Бухарѣ, у насъ обучалось уже 130 человекъ. Составлена была рота, выбраны унтеръ-офицеры и они произносили команды довольно чисто по руски. Одного никакъ они не могли продолѣть, это отличать слово „полурота“ отъ „полъоборота“ и всегда командовали вмѣсто полурота — полъ-оборота, и тому под. Но путаницы отъ этаго впрочемъ не происходило. Юзъ - баши (ротный командиръ), который приводилъ и вводилъ солдатъ, очень усердно старался запоминать команды и во всемъ подражать намъ; но командовалъ онъ гораздо хуже, чѣмъ назначенные намъ унтеръ-офицеры, а солдаты смѣялись надъ нимъ въ глаза, нисколько не стѣсняясь высказывать громко разныя, обидныя для него замѣчанія.

Вообще, дисциплины не спрашиваютъ! Своихъ офицеровъ они въ грошъ не ставятъ, а намъ повиновались только потому, что эмиръ обѣщалъ наказать каждаго, кто въ чемъ нибудь провинится или не явится на ученье. Это фактъ вполне достоверный, такъ какъ трое, заболѣвшихъ серьезно и не могущихъ находиться въ строю, на колѣняхъ умоляли насъ не отсылать ихъ домой, такъ какъ эмиръ ихъ казнить, если узнаетъ, что они не учатся. Такъ во все время обученія они и пролежали подъ деревьями въ саду, гдѣ происходили ученья.

(*) См. Турк. Вѣдом. № 21.

Я ВЪ ДА О

НОЕ ИЗДАНИЕ

Цѣ
но н
З р
доста
Г.
обра
въ
въ Т
Гимн

старые по 10 к.; новымъ № считается до

Ученики наши выказывали большія способности: если-бы съ ними заняться, то въ годъ можно-бы сдѣлать образцовое войско. Когда рота училась, можно было любоваться чистотой равенія и точностью, съ какою они производили ломку фронта. Маршировка въ полномъ порядкѣ очевидно правилась самимъ солдатамъ и когда, выученные нашимъ горнистомъ, бухарскіе трубачи заиграли маршъ, то солдаты, послѣ ученія, заявили намъ, что учиться у русскихъ легко и гораздо лучше, чѣмъ у своихъ офицеровъ. Такихъ результатовъ мы успѣли достигнуть въ полтора мѣсяца. Нѣкоторые часовые, которыхъ намъ пришлось видѣть потомъ, держались уже гораздо лучше и вполне правильно дѣлали приемы. Но это продолжалось только во время нашего пребыванія въ Бухарѣ. Когда я проѣзжалъ опять черезъ Бухару, спустя мѣсяць по отъѣздѣ русской военной миссіи, то узналъ, что эмиръ запретилъ учить свои войска такъ, какъ мы ихъ учили и отобралъ у нихъ новыя ружья, которыя теперь хранятся въ дворцовыхъ кладовыхъ.

Добыть присланныя ружья, хоть на тѣхъ солдатъ, которые учились у насъ, стоило большаго труда. Очевидно, бухарцы боялись дать ихъ въ руки солдатъ, опасаясь, вѣроятно, что ихъ испортятъ. Нами также было сдѣлано распоряженіе, чтобы ружья, послѣ ученія, оставались солдатами у насъ. Эта предосторожность, принятая начальникомъ нашей миссіи, не уберегла, впрочемъ, винтовоеѣ отъ порчи. Такъ какъ мы требовали, чтобы солдаты чистили свои винтовки послѣ ученій, то они, чтобы не исполнять работу за другаго и замѣтить свою винтовку, дѣлали царапины на стволѣ или ложѣ, пропиливали напильникомъ штыки и стволы и проч. Одинъ ухитрился пропилить стволъ насквозь, а другой для того, чтобы лучше и незамѣтнѣе обозначить свою винтовку—вывинтилъ винтъ изъ затвора. Знай это эмиръ, онъ могъ-бы только радоваться, что имѣлъ осторожность не выдавать ружей своимъ сарбазамъ.

На сколько строго слѣдилъ эмиръ за своими винтовками, на столько-же мало обращалъ вниманія на патроны къ нимъ. Большое количество изъ присланныхъ патроновъ продалось на базарѣ по 2 или по 3 теньги за сотню. Купленные такимъ образомъ патроны я видѣлъ у одного русскаго купца въ Бухарѣ и достать ихъ не стоило никакого труда.

Вообще бухарцы смотрѣли на новыя винтовки только какъ на красивыя игрушки, вовсе не понимая ихъ дѣйствительной цѣнности въ военномъ отношеніи. Когда имъ говорили, что изъ этой винтовки можно дѣлать болѣе десяти выстрѣловъ въ минуту, они, по своему обыкновенію, только пощелкивали языками, выражая этимъ свое удивленіе, но видно было по ихъ лицамъ, что они этому плохо вѣрятъ.

Въ числѣ обучавшихся у насъ солдатъ былъ одинъ персіянинъ, состоявшій придворнымъ оружейнымъ мастеромъ. Онъ намъ сказалъ, что разбиралъ уже новую винтовку по приказанію эмира, чтобы узнать можно-ли имъ самимъ изготовлять подобныя въ Бухарѣ. Оказалось, что, по его мнѣнію, всѣ части механизма не трудно изготовить, былъ-бы только готовый стволъ. Вотъ было-бы любопытно посмотрѣть берданку бухарской фабрикаціи!

Однако, что ни говорите, а это любопытное явленіе: какой-то персіянинъ, рабъ бухарскаго эмира, разобралъ нашу винтовку и даже вывелъ заключеніе, что ее не трудно самому изготовить! Понятно, что наше любопытство было возбуждено въ высшей степени и мы хотѣли посмотрѣть, какъ разбирается винтовка, когда механизмъ ея совершенно неизвѣстенъ. По этому мы предложили персіянину, о которомъ идетъ рѣчь, разобрать винтовку при насъ. Онъ ни мало не смутился и совершенно увѣренно взялся за отвертку, которою и сталъ вывинчивать винты, почти въ томъ-же порядкѣ, какъ это рекомендовано нашимъ уставомъ. Положимъ, разборка дѣлалась неправильно, но мы ему не мѣшали и онъ довелъ ее до конца, ничего не испортивъ и не сдѣлавъ даже гру-

МОСТИ.

на за Азіятскую газету, издаваемую еженедельно в Сартскомъ нарѣчїи съ русскимъ переводомъ . с.; съ пересылкою во все города имперїи и кою на домъ въ Ташкентѣ.

г. подписчиковъ на Азіятскую газету просить атся съ своими требованїями и заявленїями редакцію Азіятской газеты, Ташкентъ, къ Директору Ташкентской Мужской азїи, **Н. П. Остроумову**.

тѣхъ поръ, пока не вышеть слѣдующій.

быхъ ошибокъ. А сколько труда стоитъ выучить нашихъ солдатъ дѣлать правильно эту разборку! Дѣйствительно, персіяне—народъ способный; бухарцы это знаютъ и цѣнятъ ихъ высоко. Въ прежнее время туркмены или другаго какаго нибудь плѣнника, можно было купить самое большое за 200 тенегъ, т. е. за 50 рублей, а персіянина дешевле 100 рублей нельзя было приобрести. Персіяне, находящіеся въ рядахъ эмировской гвардіи, исполняютъ не одни солдатскія обязанности, а употребляютъ эмиромъ какъ слѣдователи, чиновники особыхъ порученій и т. д. Одинъ изъ обучавшихся у меня персіянецъ не являлся на ученье въ теченїи цѣлой недѣли; потомъ оказалось, что онъ былъ посланъ эмиромъ для производства слѣдствїя надъ какимъ-то чиновникомъ и окончивъ его, получилъ отъ эмира въ награду 500 тенегъ. Чиновникъ былъ казненъ, а имущество его конфисковано.

Заговоря объ казняхъ, не могу обойти молчанїемъ тѣхъ подробностей, которыя мнѣ удалось узнать о разныхъ родахъ смертной казни. Къ нимъ можно свободно причислить и наказанїе палочными ударами, назначаемое за разныя преступленія, но объ этомъ я уже рассказывалъ въ предъидущемъ письмѣ.

За важныя преступленія, требующія непременно смерти виновнаго, сбрасыванїе назначается или зарѣзанїе, или съ башни. Этотъ родъ казни на столько ужасенъ, что европейцу и въ голову не можетъ придти подобное наказанїе.

Сбрасыванїе съ башни (имѣющей болѣе 15 саж. высоты) производится слѣдующимъ образомъ: осужденному на казнь связываютъ руки и ноги, кладутъ его въ большой мѣшокъ, который, въ свою очередь, завязывается; приготовивъ такого рода тюкъ, его сбрасываютъ съ башни на каменныя плиты двора. Понятно, что въ мѣшкѣ получается только безформенная, окровавленная масса, которую и зарываютъ тотчасъ-же.

Не менѣе ужасна казнь посредствомъ зарѣзыванїя. Осужденнаго, со связанными назадъ руками, ставятъ на колѣни; палачъ беретъ его за лобъ или бороду, отгибаетъ голову назадъ и быстрымъ движенїемъ перерѣзываетъ горло. Иногда сразу не удается зарѣзать; тогда палачъ дорѣзываетъ свою трепещущую жертву, какъ барана. Такимъ образомъ были казнены во время нашего пребыванїя въ Бухарѣ четыре человѣка, обвиненные въ грабежѣ. Тѣла ихъ, съ перерѣзаннымъ горломъ, лежали на улицѣ, въ Ширбаданѣ, въ теченїи трехъ дней—въ назиданїе народу. Всякая казнь сопровождается конфискованїемъ имущества; по этому осужденнаго, если онъ богатый человѣкъ, не сразу казнятъ, а предварительно, подъ ударами палки, пытываютъ: гдѣ у него спрятано имущество. Въ этомъ случаѣ, палки играютъ роль орудїя пытки. Палки, какъ наказанїе, какъ я уже говорилъ, весьма въ ходу и заполучить порцію въ 75 ударовъ очень легко за малѣйшую вину. Проживающіе въ Бухарѣ русскіе купцы рассказывали, что были свидѣтелями подобнаго наказанїя. Вотъ, какъ это произошло. Эмиръ, въ извѣстные дни, принимаетъ просителей и къ нему имѣютъ доступъ все, безъ исключенїя. Онъ сидитъ у окна, по обѣимъ сторонамъ котораго стоятъ два церемонимейстера, съ золочеными палками въ рукахъ. Проситель долженъ подойти на извѣстное число шаговъ къ окну, стать на колѣни и затѣмъ, взявъ прошенїе, приложить его ко лбу. Тогда, по знаку эмира, одинъ изъ церемонимейстеровъ беретъ прошенїе и подаетъ его эмиру, который прочтя его, тутъ-же кладетъ резолюцію. Случилось такимъ образомъ придти одному человѣку, которому эмиръ позволилъ, по прошествїи извѣстнаго срока, подать прошенїе о производствѣ его въ слѣдующій чинъ. Срокъ насталъ и чиновникъ радостно явился предъ свѣтлыя очи своего повелителя; но должно быть на радостяхъ онъ упустилъ изъ виду требованїе шарїата и вмѣсто того, чтобы стать на колѣни, а потомъ приложить прошенїе ко лбу, сдѣлалъ сперва послѣднее, а потомъ уже сталъ на колѣни. Эмиръ нахмурился и подалъ особый знакъ, по которому

оба церемонимейстера подхватили несчастнаго просителя подъ руки и, отведя шаговъ на двѣсти, отсчитали тотчасъ-же 75 палокъ бѣдному кандидату на чинъ. Представьте себѣ, что послѣ этой операціи чиновникъ имѣлъ еще силы подойти къ эмиру и продѣлать все по шаріату. Прошеніе было принято милостиво, только что избитая спина покрыта парчевымъ халатомъ, а на головѣ появился развѣвающійся фирманъ, т. е. грамота, утверждающая въ чинѣ.

Судъ и расправа производятся милостиво: хоть и наказаль, но чиномъ наградили. Не напоминаетъ-ли это намъ нашу Русь, триста лѣтъ тому назадъ, во времена Іоанна Грознаго? Можно однако надѣяться, что скоро и Бухара, какъ близкая сосѣдка Россіи, смягчитъ свои нравы и существующіе нынѣ наказанія будутъ такимъ-же „преданіемъ старины глубокой“, какъ и опричина временъ Грознаго царя.

Бухарскія тюрьмы или, такъ называемые „клоповники“, (*) *зинданы*, хотя и существуютъ, но видѣть ихъ намъ не удалось; мы были слишкомъ на виду, чтобы имѣть возможность осмотрѣть эти учрежденія безъ вѣдома правительства, а официально намъ, конечно, этого-бы не разрѣшили. Во время нашего пребыванія содержался въ такомъ зинданѣ старикъ лѣтъ 60-ти, аксакалъ людей, занимающихся обмываніемъ покойниковъ. Содержался онъ уже болѣе года, пока розыскивали его большія богатства, собранныя имъ при содержаніи игорнаго дома, за что собственно онъ и былъ арестованъ по жалобѣ матери богатаго молодаго бухарскаго купца, обвиганнаго въ его домѣ.

Нѣсколько, только что приведенныхъ мною, фактовъ могутъ служить нѣкоторою характеристикой внутреннихъ порядковъ ханства, о которыхъ ни одинъ русскій не можетъ ничего узнать, если онъ официально присланъ правительствомъ съ порученіемъ къ эмиру и постоянно окруженъ, хоть и почетною, а все таки стражею и стѣсненъ этикетомъ, совершенно парализующимъ ея личную волю. Вотъ почему, пока я былъ въ числѣ членовъ военной миссіи,* я не могъ почти ничего узнать, такъ какъ мы сидѣли въ четырехъ стѣнахъ, выѣзжали только на аудіенціи къ эмиру и раза два—въ сады. Каждый разъ въ этихъ поѣздкахъ насъ сопровождалъ какойнибудь сановникъ и нѣсколько чиновниковъ съ цѣлою массою джигитовъ. Понятно, что при такой обстановкѣ не было возможности не только остановиться, чтобы спросить или посмотрѣть чтонибудь, но даже видѣть улицы съ ихъ обыденнымъ движеніемъ. Впереди нашего, всегда торжественнаго шествія, скакали джигиты и очищали узкія улицы для нашего беспрепятственнаго проѣзда. Благодаря этому, во всѣхъ попережныхъ переулкахъ можно было видѣть нагруженныхъ верблюдовъ и ишаковъ и огромныя арбы, которыя, неизвѣстно какими судьбами, были втиснуты въ эти корридорчики. Все это ожидало нашего проѣзда, чтобы продолжать свой путь. Воображаю, какія пожеланія сыпались на наши неповинныя головы со стороны рабочаго люда, которому мы такъ мѣшали въ его занятіяхъ!

Единственный источникъ, которымъ я могъ пользоваться для собиранія свѣдѣній, были мои ученики, т. е. бухарскіе солдаты. Когда я замѣчалъ, что они ужь очень уставали стоять смирно на одномъ мѣстѣ и продѣлывать безчисленное множество разъ одни и тѣ-же ружейные приемы, то я говорилъ имъ единственное, выученное мною, персидское слово: „шинить-онъ“ что значитъ—садись. Повторять имъ этого два раза не приходилось: они тотчасъ-же всѣ садились на корточки и тутъ у насъ начинались разговоры. Первое время они дичились и на мои вопросы отвѣчалъ только одинъ пожилой солдатъ; но потомъ они такъ ко мнѣ привыкли, что старались рассказать и разъяснить мнѣ все, что я спрашивалъ. Однажды, когда у меня испортились часы, я спросилъ: не знаютъ ли они, кто можетъ мнѣ ихъ починить въ Бухарѣ? Одинъ изъ солдатъ попросилъ показать ему часы и, взглянувъ на механизмъ, сказалъ, что къ завтраму починить и принесетъ. Оказалось, что это часовой мастеръ и имѣетъ свою лавку на базарѣ. Часы, дѣйствительно, были исправлены и мнѣ стоило большаго труда заставить его взять деньги за работу. Онъ все увѣрялъ меня, что ему нельзя взять денегъ, такъ какъ работы почти никакой не было, и что ему очень пріятно мнѣ услужить чѣмънибудь и даромъ. Видите, какая любезность!

Чтобы покончить съ вопросомъ о войскахъ, скажу нѣсколько словъ о способѣ снабженія бухарской арміи огнестрѣльными припасами:

Порохъ готовится въ ханствѣ во многихъ мѣстахъ; заводы находятся преимущественно въ крѣпостяхъ. Въ Бухарѣ есть четыре завода, въ Карши семь и по одному въ Чарджуѣ, Гиссарѣ, Шаарѣ и Китабѣ. Самый лучший порохъ изготовляется въ Карши; зерныя его болѣе тверды и мелки. Мнѣ

(*) Неизвѣстно откуда взятое русскимъ названіе; во всей Средней Азіи вовсе нѣтъ кусающихъ насекомыхъ, кромѣ завезенныхъ русскими.

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМО

удалось видѣть только два образца пороха — каршинскаго и бухарскаго; оба мелкозернисты, хотя, говорятъ, что есть и крупнозернистый. Пороховые заводы помещаются въ обыкновенныхъ глиняныхъ мазанкахъ. На каждомъ заводѣ изготовляется очень незначительное количество пороха и работы происходятъ не постоянно. Селитру добываютъ въ горахъ близъ Карши, сѣру — же получаютъ изъ Россіи. Какой уголь употребляется для пороха — я никакъ не могъ узнать въ точности, но кажется, берутъ безъ разбора отъ разныхъ породъ дерева. Склады пороха и пуль находятся въ каждой крѣпости, а въ Бухарѣ, — въ резиденціи эмира. Свинецъ добываютъ въ незначительномъ количествѣ въ горахъ Гузара, выливаютъ пули круглыя и коническія. Торговля огнестрѣльными припасами никому не воспрещается.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Письма изъ Бухары.

Письмо 3-е.

Вчерашній день я посвятилъ поѣздкѣ на базаръ и отдалъ визитъ посѣтившимъ насъ русскимъ купцамъ. На этотъ разъ мы поѣхали безъ всякой свиты, съ одними джигитами и переводчикомъ.

По кривымъ и узкимъ улицамъ, знакомымъ уже намъ отчасти по предъидущимъ поѣздкамъ, мы медленно подвигались, часто останавливаемые то цѣлымъ караваномъ верблюдовъ, то огромной арбой, совершенно загораживающей дорогу; но кромѣ этого мы не встрѣчали никакихъ препятствій. Встрѣчавшіеся намъ бухарцы не только не выказывали непріязни, а напротивъ, нѣкоторые даже раскланивались. Не вѣрьте тому, кто вамъ скажетъ, что русскому человѣку можетъ грозить какая нибудь опасность въ Бухарѣ. Это — „дѣла минувшихъ дней“ и теперь вы можете такъ-же свободно прогуливаться здѣсь, какъ и въ любомъ европейскомъ городѣ. Хотя бухарскіе чиновники и стараются при каждомъ удобномъ случаѣ намекнуть на то, что народъ будто-бы недружелюбно относится къ русскимъ и по этому навязываютъ всегда своихъ провожатыхъ въ видѣ конвоя, но это простая уловка, чтобы имѣть возможность лучше слѣдить за дѣйствіями русскихъ и доносить о всемъ эмиру. И такъ, я говорю, въ этотъ разъ, какъ и во всѣ послѣдующіе, мы совершенно благополучно разъѣзжали по городу, хотя и не были окружены конвоемъ.

По мѣрѣ приближенія къ базару, внѣшній видъ улицъ рѣзко измѣняется. Ряды высокихъ глиняныхъ стѣнъ, безъ всякихъ внѣшнихъ отверстій, кромѣ небольшихъ калитокъ, смѣняется рядомъ лавокъ и мастер-

скихъ. Двери всюду открыты и вы можете свободно видѣть производство тѣхъ или другихъ работъ. Столярныя и слесарныя мастерскія оглушаютъ васъ своимъ стукомъ и визгомъ. Рядомъ съ ними идутъ швальни, гдѣ работаютъ на швейныхъ машинахъ преимущественно татары и евреи. Нѣсколько видѣнныхъ мною машинъ оказались фабрики Зингера и еще какой-то другой англійской фабрики; тѣ и другія были получены черезъ Индію. Къ сожалѣнію, у меня не записаны цѣны, по которымъ онѣ приобрѣтены, но помню, уста (мастеръ) говорилъ мнѣ, что машинка, купленная въ Самаркандѣ, обойдется дороже, чѣмъ полученная изъ Индіи. За швальными идутъ ряды красильни. Мнѣ особенно бросались въ глаза еврей-красильщики. Ихъ блѣдые, точно восковыя лица составляютъ рѣзкій контрастъ съ окружающими насъ смуглыми, точно бронзовыми лицами бухарцевъ, персіянъ и др. Всѣ евреи, замѣтивъ насъ, высказывали изъ лавокъ, и разставивъ свои выважанные въ краску по локоть руки, съ любопытствомъ провожали насъ глазами и перекидывались замѣчаніями на своемъ характерномъ языкѣ, отличающемся впрочемъ отъ языка евреевъ нашихъ западныхъ губерній. Бухарцы вели себя солиднѣе, не бросали работы, а только нѣсколько наклонились впередъ, чтобы лучше насъ рассмотреть.

Но вотъ, улица кончается и мы въѣзжаемъ въ крытую галерею. Тутъ насъ начинаютъ обдавать всевозможными благоуханіями. Запахъ до того рѣзокъ, что я думаю привычный человѣкъ, съ закрытыми глазами можетъ опредѣлить, по распространяющемуся въ воздухѣ запаху, въ какой части базара онъ находится. То слышится отвратительный запахъ кунжутнаго масла, то пріятный запахъ кожъ, то запахъ какихъ-то травъ и медикаментовъ, и т. д. Всѣ лавки съ одинаковымъ товаромъ сгруппированы вмѣстѣ и составляютъ цѣлыя ряды. Въѣхавъ на базаръ, мы едва могли двигаться, до того было много народу; въ особенности толпился онъ у съѣстныхъ лавокъ, гдѣ съ жадностью уничтожалъ груды пирожковъ и пельменей.

Хотя и съ большимъ трудомъ, но мы добрались наконецъ до центра базара, т. е. до знаменитаго Заргеряни-чаръ-су. Это нѣчто въ родѣ громаднаго зала со сводами, изъ котораго ведутъ четыре крытыя, каменные галереи. Здѣсь торгуютъ преимущественно мануфактурными произведеніями. Въ одномъ мѣстѣ ковры, паласы, бархаты, канаусъ, въ другомъ — ситцы и кумачъ, русскаго и англійскаго производства. Ситцы большею частію русскіе (фабрики Морозова), но зато каленкоръ, шертингъ и кисея почти исключительно англійскія.

Джигиты наши, замѣтивъ, что мы обращаемъ особенное вниманіе на русскія клейма, позвали откуда-то купца, который намъ заявилъ, что у него есть много другихъ русскихъ товаровъ и въ особенности рекомендовалъ широкіе кумачевые пояса съ расписными концами и какою-то пестрой бахромой. Дѣйствительно, и тутъ была марка морозовской фабрики, а такъ какъ джигиты наши очень умильно поглядывали на эти пояса, то пришлось имъ сдѣлать подарокъ. Не думаю, чтобы эти произведенія находили сбытъ въ Россіи; вѣроятно они специально изготовляются для восточныхъ базаровъ.

Проходивъ часа три, мы потомъ едва могли отыскать нашихъ лошадей въ одномъ изъ безчисленныхъ базарныхъ закоулковъ. Въ крытыхъ галереяхъ полъ выложенъ каменными плитами и вѣчно поливается; достигаемая такимъ образомъ нѣкоторая прохлада не вознаграждаетъ непріятности тѣхъ рѣзкихъ испареній, которыя исходятъ отъ грязной мостовой. Утомившись порядочно ходьбой и вдыханіемъ спертаго воздуха, мы очень обрадовались, когда узнали, что наши купцы живутъ здѣсь по близости, такъ что не стоитъ даже садиться на лошадей.

Дѣйствительно, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по узкому переулку, мы вошли въ большія ворота и очутились во дворѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ высокими стѣнами. Вдоль стѣнъ расположены двухъ-этажныя постройки, въ которыхъ верхній этажъ занятъ конторою и квартирами служащихъ, а нижній состоитъ изъ обширныхъ сараевъ, служащихъ для склада товаровъ. Когда ворота заперты, то нѣтъ средствъ проникнуть во дворъ. Такое помѣщеніе умышленно избрано въ виду возможныхъ въ Бухарѣ безпорядковъ, первую жертвою которыхъ были-бы, конечно, иностранцы. Въ стѣнахъ этой импровизированной цитадели всегда находится семидневный запасъ воды, провіанта и фуража. Живущіе здѣсь агенты Россійскаго общества транспортнаго владѣнія, имѣющіе достаточное количество прекраснаго оружія, находятъ, что этихъ предосторожностей вполне достаточно, чтобы выдержать осаду до прихода русскихъ имъ на выручку. Какъ видите, мирные купцы, въ случаѣ надобности, могутъ преобразиться въ храбрыхъ воиновъ, готовыхъ мужественно отстаивать свою жизнь и имущество. Хотя въ насто-

ящее время и трудно ожидать какихъ либо серьезныхъ неурядицъ, но по русской пословицѣ, гласящей, что береженого и Богъ бережетъ—осторожность никогда не мѣшаетъ.

Контора общества, помѣщающаяся въ двухъ небольшихъ комнаткахъ, произвела на меня очень хорошее впечатлѣніе своей совершенно европейской обстановкой. Вамъ можетъ быть и страннымъ покажется, что какія нибудь драпировки на дверяхъ и столы, покрытые сукномъ, могутъ произвести особенное впечатлѣніе; а попробуйте-ка попутешествовать мѣсяца четыре по такой странѣ, гдѣ простаго стола не найдешь, такъ и окажется, что всякая мелочь, напоминающая намъ родину и обычную жизнь, становится особенно пріятной и дорогой.

День былъ почтовый и по этому въ конторѣ работа кипѣла: деньги, счета, письма съѣнно укупоривались для отправки. Почтовое сообщеніе между Бухарой и Катта курганомъ, находящееся въ частныхъ рукахъ, отличается своею аккуратностью. Не смотря на то, что письма, посылки и деньги, иногда весьма крупными суммами, отправляются съ простымъ джигитомъ, до сихъ поръ не было ни одного случая промахи или неаккуратной доставки корреспонденціи.

Джигитъ—почтарь, съ куржунами (*) за сѣдломъ, въ три дня и даже скорѣе доставляетъ почту въ Катта-курганъ. Въ томъ только случаѣ, когда отправляются посылки слишкомъ громоздкія и тяжелыя, неудобныя для перевозки верхомъ, ихъ отправляютъ на арбѣ и на это, конечно, требуется нѣсколько больше времени.

При насъ заходили въ контору бухарскіе купцы, преимущественно евреи; они мѣняли деньги, приносили письма, чтобы отправить ихъ сообща и просили написать имъ телеграммы, такъ какъ рѣдко кто изъ нихъ умѣетъ писать по русски. Пока не былъ проведенъ телеграфъ въ Бухару, телеграммы также отправлялись въ Катта-курганъ почтою.

Наши купцы живутъ здѣсь въ настоящее время совершенно спокойно и не терпятъ никакихъ притѣсненій; но первое время ихъ порядочно прижимали, даже въ мелочахъ. Такъ напримѣръ, понадобилось въ помѣщеніи конторы прорубить окно въ стѣнѣ, выходящей на улицу. Кажется, дѣло очень простое, а между тѣмъ изъ него сдѣлали цѣлую исторію и грозили, что народъ разнесетъ весь домъ, если увидитъ окно, выходящее на улицу, въ особенности, когда оно такъ высоко, что изъ него можно будетъ пожалуй видѣть, что дѣлается на дворѣ сосѣднихъ домовъ, гдѣ живутъ бухарскія женщины. Если-бы русскіе стали ждаты разрѣшенія, то вѣроятно до сихъ подъ сидѣли бы безъ окна; но они распорядились иначе.

Ночью продѣлали, окно, вставили раму и никакой бѣды отъ этого не произошло. Приходятъ въ контору и чиновники, и купцы, и никому изъ нихъ въ голову не приходитъ протестовать противъ злосчастнаго окна.

Эмиръ хорошо относится къ нашимъ купцамъ и пользуется иногда ихъ услугами, если ему нужно достать что нибудь изъ Россіи. Имѣя при дворѣ прекраснаго переводчика, который читаетъ, пишетъ и говоритъ одинаково хорошо, какъ по русски, такъ и по персидски, эмиръ имѣетъ возможность читать газеты, за которыми ежедневно посылаетъ къ купцамъ въ контору. Однажды, впрочемъ, купцы возбудили неудовольствіе эмира по слѣдующему поводу: къ одному изъ нихъ пріѣхало семейство въ тарантасѣ и такъ какъ почему-то вельзя было ввести экипажъ во дворъ, что онъ стоялъ нѣсколько дней на улицѣ, привлекая толпу зѣвакъ, не видавшихъ другихъ экипажей кромѣ арбы. Эмиру, конечно, сейчасъ же довели объ этомъ и это ему не понравилось. Тарантасъ приказано было тотчасъ-же убрать, а на другой день всѣ экипажи эмира были выставлены на Регистанѣ площадь предъ дворцомъ). Понятно, что это невиданное зрѣлище стало привлекать еще болѣе любопытныхъ и видъ экипажей, въ особенности яркая красная карета, вызывая возгласы удивленія и восхищенія. Такимъ образомъ впечатлѣніе, произведенное диковиннымъ русскимъ экипажемъ, было уничтожено, что вѣроятно и требовалось.

У эмира есть больше десятка различныхъ экипажей, въ разное время присланныхъ ему въ подарокъ съ нашими посольствами, но онъ ими почти не пользуется. Когда онъ выѣзжалъ въ коляскѣ, что случилось всего нѣсколько разъ, то запрягалась четверка лошадей дугомъ. Кучера на козлахъ не было, такъ какъ несомнѣнно съ величіемъ эмира, чтобы кучеръ сидѣлъ выше его, а лошадьми управляли два фореитора въ кестрыхъ халатахъ. Высланные въ Катта-курганъ, для членовъ нашей миссіи, два фэтона имѣли такую-же запряжку. Хотя мы все время ѣхали верхомъ, но экипажи слѣдовали за нами. Возницы нисколько не смущались тѣмъ, что экипажи рессорные и везли ихъ какъ арбу; по этому, на первомъ-же переходѣ, въ одномъ фэтонѣ обѣ переднія рессоры лоп-

(*) Перевѣтные сумы.

нули и ихъ перевязали веревками. Сопровождавшій насъ чиновникъ огорчался. „Сядьте хоть не надолго въ коляску, а потомъ можно опять ѣхать верхомъ. Дженоби-Али меня спросить: ѣхали-ли вы въ коляскахъ, а что я ему отвѣчу? Дженоби Али знаетъ, что русскіе привыкли ѣздить въ экипажахъ и князь (Витгенштейнъ) никогда верхомъ не ѣздилъ, а вы отказываетесь. Значитъ вы мною недовольны, я вамъ не угодилъ и Дженоби Али меня накажетъ“. Онъ до того пристаивалъ съ этимъ, что мы два раза садилсь въ экипажи, хотя ѣзда въ нихъ по бухарской дорогѣ не особенно пріятна. Оба фатона все время стояли у насъ потомъ во дворѣ.

Разговаривая съ купцами, мы узнали, что Россійское общество транспортированія кладей въ первый разъ отправило транспортъ хлопка (85 тыс. пуд.) черезъ Мертвый-Култукъ. Волненій по этому поводу было много; опасались задержки въ дорогѣ, но какъ теперь извѣстно, транспортъ прошелъ благополучно и оказалось, что отправка черезъ Мертвый-Култукъ обоилась минимумъ на рубль съ пуда дешевле. Прежде отправка товара изъ Бухары въ Москву сбходилась, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, 2 р. 50 к. съ пуда и доходила до 3 р. 50 коп. Теперь же при отправкѣ черезъ Мертвый-Култукъ товаръ обходится по 1 р. 70 к. съ пуда.

Изъ Бухары товары идутъ на верблюдахъ до Усты, на Аму-дарьѣ; здѣсь есть пристань Россійскаго общества, и товаръ, перегруженный на каюки (лодки), сплавляется до Куиграда, гдѣ опять навьючивается на верблюдовъ и идетъ до Мертваго-Култука (Заливъ Цесаревича), отсюда же моремъ и по желѣзнымъ дорогамъ къ мѣсту назначенія. Между Куиградомъ и Мертвымъ-Култукомъ дорога — совершенно гладкая степь. Къ пристани собирается масса верблюдовъ, такъ какъ стало извѣстно, что въ нихъ есть необходимость, въ первое же время задержки случались отъ недостатка верблюдовъ. Неудобство этого пути заключается въ томъ, что онъ не постоянно свободенъ. Въ зимнее время Мертвый-Култукъ замерзаетъ и сообщеніе по этому пути прекращается.

По словамъ агентовъ Россійскаго общества, оно ежегодно отправляетъ изъ Бухары около 150 тыс. пудовъ кладей. Контора братьевъ Каменскихъ — до 80 т. пудовъ и бухарскіе купцы — до 300 т. пудовъ. Главный предметъ вывоза составляютъ хлопокъ и шелкъ. Шелкъ въ очищенномъ видѣ отправляется почти исключительно въ Россію; онъ идетъ по прямой, караванной дорогѣ на Казалинскъ. Такъ какъ по этой дорогѣ идутъ товары и изъ Россіи, то становится понятнымъ, почему нѣкоторые товары, какъ напр. сахаръ и свѣчи, иногда дешевле въ Самаркандѣ, чѣмъ въ Ташкентѣ. Въ Бухарѣ же сахаръ всегда дешевле. Бухара, благодаря своему географическому положенію, составляетъ важный торговый пунктъ. Черезъ сѣверный Афганистанъ она ведетъ торговлю съ Индіей, торгуетъ въ восточныхъ провинціяхъ Персіи и наконецъ обмѣнивается товарами съ Россіей.

Главный предметъ вывоза, какъ я уже говорилъ, составляетъ хлопокъ и шелкъ. Предметами же ввоза служатъ: чай (изъ Индіи), сахаръ (изъ Россіи), мануфактурныя произведенія и металлическія издѣлія (изъ Индіи и Россіи). Оборота внешней торговли составляетъ отъ 35 до 50 мил. рублей звонкою монетою и зякетъ (пошлина), взимаемый эмпромъ, представляетъ одну изъ важныхъ статей дохода. Зякетъ взимается въ размѣрѣ 5% съ иностранныхъ купцовъ и 3% съ купцовъ бухарскихъ. Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ вы можете составить себѣ понятіе, что такое Бухара въ торговомъ отношеніи.

Торговля — это жизнь Бухары, условіе ея существованія и не удивительно, что въ ней находится до 50 разныхъ базаровъ и базарчнковъ.

Здѣсь все населеніе, безъ исключенія, торговое. Кромѣ купцовъ, масса мелкихъ торговцевъ, всевозможныхъ спеціальностей, осаждаютъ васъ на базарѣ и являются на квартиру съ предложеніемъ купить у нихъ разную разность и очень дешево; но попробуйте спросить цѣну вещи, обратившей на себя ваше вниманіе, и вы ужаснетесь! Право, становись иногда въ туникъ: шутятъ они, или смѣются надъ вами? Къ русскимъ обязательно является всегда торговецъ древними монетами и вещами. У него въ узелкѣ вы рѣдко найдете что нибудь порядочное среди массы разной дряни, въ родѣ старыхъ серебряныхъ и золотыхъ колецъ, скверной бирюзы и просто стеклянныхъ бусъ. Мы, ради шутки, спросили цѣну красной стеклянной бусы и торговецъ, несколько не смущаясь, запросилъ за нее пять тенегъ (на наши деньги 1 р. 25 к.), увѣряя насъ, что это только для насъ онъ такъ дешево уступаетъ. Когда мы стали смѣяться и сказали, что онъ мошенникъ, такъ какъ цѣлая нитка такихъ бусъ стоитъ 25 к., то онъ сталъ жаловаться, что его часто надуваютъ и продали ему эту бусу за драгоценный камень. Однимъ словомъ, наши Ицки и Мовши, таскающіеся въ западныхъ губерніяхъ съ мелкимъ товаромъ, могли бы поза-

видоватъ ловкости своихъ бухарскихъ собратій въ искусствѣ сбывать разную дрянв за хорошія деньги. Впрочемъ среди разной рухляди можно найти иногда и очень хорошія вещи; такъ наиримѣръ, полковникъ Б. купилъ сравнительно дешево, прекрасный камень, которому торговецъ придавалъ, кажется, не больше значенія, чѣмъ кускамъ лапись-лазури и другимъ камешкамъ. Что-же касается услужливости, то въ этомъ отношеніи торговцы эти незамѣнимы. Они вамъ достанутъ все, что хотите, но и возьмутъ за это въ три-дорога. Черезъ нихъ можно достать иногда прекрасное оружіе, т. е. клинки шашекъ и кинжаловъ.

Въ Бухару пріѣзжаютъ агенты разныхъ торговыхъ фирмъ, для закупки хлопка и шелка на мѣстѣ. Постоянно проживаютъ въ Бухарѣ два господина, занимающіеся покупкой бараньихъ кишекъ. Одинъ отправляетъ ихъ въ Петербургъ, а другой — за границу, въ колбасныя заведенія. Прежде въ Бухарѣ былъ только одинъ такой агентъ, когда-же явился другой, то они другъ предъ другомъ стали набавлять цѣну на кишки и довели ее до 50 рублей за тысячу, но вскорѣ пришли въ соглашеніе и теперь кишки покупаются по 50 коп. сотня. Ежедневно покупается отъ 100 до 1200 кишекъ, слѣдовательно въ Бухарѣ ежедневно съѣдается такое количество барановъ. Кишки, передъ отправкой, промываютъ, солятъ и въ небольшихъ боченкахъ отправляютъ въ Россію. О существованіи такого промысла мнѣ въ первый разъ пришлось услышать здѣсь. На сколько выгоденъ этотъ промыселъ, можно судить изъ того, что занимающіеся имъ получаютъ очень приличное содержаніе и являются еще охотники этого дѣла, но ихъ, по возможности, устраняютъ старые агенты.

Въ заключеніе этого письма, скажу, что я не видѣлъ въ Бухарѣ между торговцами русскими произведеніями — ни одного русскаго. Всѣ купцы или татары, или евреи, а это очень жаль, такъ какъ сильно вліяетъ на увеличеніе цѣнъ русскихъ товаровъ, продающихся изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ. Русскимъ фабрикантамъ, которые сумѣли такъ хорошо угодить восточному вкусу, изготовляя недорогія и пестрыя матеріи, почти совсѣмъ вытѣснившія подобныя-же произведенія англійскихъ фабрикъ, остается только озаботиться сбытомъ своихъ товаровъ по возможно низкой цѣнѣ, что легко можетъ быть достигнуто устраненіемъ, при сбытѣ товаровъ, посредниковъ, благодаря которымъ цѣна товаровъ увеличивается безъ пользы для производителей и въ ущербъ потребителямъ.

Азіятскіе купцы привозятъ русскіе товары съ нижегородской ярмарки, гдѣ пріобрѣтаютъ ихъ не изъ первыхъ рукъ, а изъ вторыхъ и иногда изъ третьихъ. Цѣна товара увеличивается вслѣдствіе этого на нѣсколько процентовъ, которые ложатся на покупателей. Если бы наши фабриканты посылали съ товарами своихъ приващиковъ прямо въ Бухару, то они получали-бы тотъ-же барышъ, а между тѣмъ ихъ произведенія пріобрѣли-бы новое достоинство — дешевизну и этимъ окончательно вытѣснили-бы товары англійскіе.